

Никита / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Никита / рассказ НИКИТА

В доме было пять кошек. После смерти отца их разобрали знакомые, но, когда Никита приезжал на дачу, где его отец жил последний год и умер, ему они ещё виделись. Две кошки – слабые телами, песочно-жёлтые – приходили на кладбище. Видел он их не всегда, редко, и однажды сказал тёте:

– Вон та жила у отца, какое-то странное имя у неё было – Францеберия, кажется.

– Была Францеберия, но эта не наша кошка, приبلудная, у нас таких-то не было. Наша была такая.

А какая была – не помнит.

А потом он перестал почти приезжать на дачу. Или приедет и пьёт, пьёт. Куда ему всё лезет? Но было весело. Однажды лежит и ему кажется, что вокруг него курица ходит. А он лежит. Она из его рук ест зерно. Лук вытаскивает с грядок. Да откуда же лук? Никогда ничего не росло там. А вот ходит, клювиком стучит. И кроме курицы ни одного существа. А раньше приезжали к Никите друзья. Разговаривали. Обсуждали картины отца. Или вот светские вели беседы:

– А правда, что вы с ней за ручку ходили?

– С кем?

– С актрисой, с его женой?

– Я не помню.

Он и правда не помнил, и не потому, что был маленький. Уже взрослый – семнадцать лет. Но ходил за ручку ещё маленьким. Пятилетним. Красивый ребёнок. Это ваш – её спрашивали.

Давно ходил. Один раз.

Сидели, разговаривали и пили.

Сегодня праздник – шестидесятилетие гранёного стакана. Сегодня празднует праздник гранёный стакан, – заявила Маша, глупая жена Максима. Кто-то сказал про неё так, что глупая, но Никита не оценивал. Ему всё равно.

Они жили на соседних дачах. Никита и Максим. Сдружились. У Никиты отец – художник. У Максима дед – архитектор с наградами. Две дачи рядом, под боком друг у друга, неразлучницы. Его отец умер раньше, а дед Максима ещё жив, но живёт уже не на даче. Никого не узнает. Мама Максима кормила его с ложечки. Он смотрел на неё, потом спросил – ты моя?

Она заулыбалась, обрадовалась – твоя, твоя, твоя.

– Мама моя? – спросил.

А дед Никиты умер давно, генерал. Хоронили. Мундир выставили рядом с горбом. И мундиру кто-то поклонился.

Давно было. Ему, Никите, и года не было.

Он попросился к Максиму в мастерскую. Работать.

Купил водку. Много водки. Пил в одиночестве. Он даже не помнил, когда это сделал.

Уходило солнце, становилось холодно. Сначала было хорошо. Он лежал на диване, спал. Картины из мастерской давно вынесли, и холсты. Только ванна осталась, лилово-синяя от краски, лежала мертвецом, разинув рот.

– Зачем ты это сделал?

– Что?

– Зачем ты это сделал?

– Где?

– Совсем debil?

– Да где?

Никита потом кричал что-то на улице, и так, не переставая кричать, дошёл до метро. И плакал. Говорил кому-то, что он одноногий. Да вот же ваша нога. Где? Вот. Это не нога. Это и правда была не нога. Кому объяснить. Зачем? Выросло что-то из крови и кости. Нужно немедленно отрезать. Потому что оно только имеет вид человеческой ноги, а потом отделяется от тела. Это монстр. Отделяется от тела и начинает ползти, и из пальцев вырастают клешни, они бьют-бьют вот так, по асфальту, проламывают его, и из него. Что? И из него выбегают маленькие дети и кричат – дай, дяденька, конфетку. – Пилите, пилите ногу, – и протягивал неизвестному невидимую пилу.

Он потом сказал, что это был перфоманс. Перфоманс.

– И в туалете был перфоманс? – спросил Максим. И чего он к

нему пристал? Купил новую машину, только вернулся из Гвинеи. Привёз всем полосатые носки, папуасы вязали. Кому носки, кому варежки. Ему, Никите, варежки. Но распить самогон папуасский не пригласил. И на день рождения пришёл самый последний, и его мать, Никиты, обнимая Максима, сказала – вот с пуплят, пуплят вместе, а пришел последним поздравить. Хотя вот мать с дачи выехала сама добровольно, оставив отца Никиты, ещё до рождения Максима. И на дачу больше не приезжала, и Максима увидела в первый раз четыре года назад. Но все равно – с пуплят. С пуплят. Друзья, во всем одинаковые – про них с Максимом – говорила другим его друзьям.

И пили одинаково. Но Максима переносили с улицы в дом на руках. Несли. А его оставляли на улице, потому что он привык. Так и говорили – привык. Лежал на холодной земле и не болел никогда, ничем. Даже зубы за всю жизнь ни разу не болели. Что ему на улице не поспать, под малиновым кустом. Он и привык, тем более.

Надя тоже засыпала на улице, рядом с ним, в знак солидарности, потому что по малости лет и веса втащить его на порог собственной дачи не могла. Шестнадцать? Семнадцать? Он её в метро увидел. Мой новый друг. Всегда у него новые друзья. Старые исчезали.

Маша, жена Максима, она вот что? Ей одной девятнадцать, а им всем тридцать. А потом и Маша постарела до двадцати пяти. Две дочери у нее родились. Это она раньше всем, ко всем на вы, как к старшим, а тут Надя ей «вы» говорит. Для Нади она совсем безнадёжная, Маша. Скоро двадцать шесть, двое детей. А Наде шестнадцать, и друзьям Нади столько же. И на его, Никитином, последнем дне рождения, были все Надины друзья. У него всегда много друзей. На каждом дне рождения – новые, новые. Только Максим, и ещё с ним трое – старые. И он им иногда показывал картины отца, те, что ещё не продали.

Потому что это всё, что осталось Никите после смерти отца. Им помогали сначала, две выставки организовали. И хорошо продали тогда, по хорошей цене. Года на два хватило. А потом уже всё дешевле и дешевле. Мода прошла.

Мать про картины говорила – ненавижу. Никита их тоже

ненавидел. Потому что ему снились сны. Такие, как на картинах. Лежит человек на столе, а над ним лежит в воздухе его двойник. Все вокруг зеленое, а они оба красные, в белых кепочках, льняных.

Если он кого любил в жизни, то только Максима. И тех пять кошек. Может быть, пять. Может быть, одну.

А Максим пришёл и увидел, что унитаз засорился. Посмотрел, а там Никита подвел трубу от ванной, перекрыв стояк, содержимое унитаза не смывалось. Наорал на него. Никита кричал – это не я, ты же просил меня не трогать унитаз.

Максим не кричал, орал, визгливо, как баба:

– А кто? Кто?

– Не я, – кричал Никита тоже. Ему тоже приходилось кричать, – не я.

Это правда был не он. Но кто? Он и сам не знал. Длинный день. Сначала солнце. Открыл окно. Потом дождь. Закрыл. И скатерть на столе хлопала.

– Какая скатерть?

– Да, скатерть.

Он и стол накрыл. Скатерть принёс из дома. Рябиной закусить.

– Да какая рябина?

– Кисть рябины, кроваво-красная. Закусить кистью. Ах, доля-долюшка.

– В туалете же твоё говно.

– А я там не срал.

– А кто срал?

Ах, Максим-Максимушка, погубил ты дружбу нашу? Загубил, полголовы снёс. Жизнь проходит, совсем, ещё немного, и пройдёт. Голову с плеч.

– Кто туалет будет делать? И непечатное, непечатное.

А какие облака стояли. На небе. Виноградные гроздья. Толстые, в синем, как льдины. Я на этой льдине, как на бригантине.

Ушёл. Ушёл, а Максим в спину ему что-то орал, кидался камнями. Но Никита решил терпеть. Словами убить можно, ты меня уже почти. Шёл, голова перевязанная, кровь течёт. Камни в теле. Попросил кого-то, лицо испуганное, темное, – меня прооперировать надо. Может, скорую? Нет, не надо, –

чувствовал, что не надо, скорая – его погибель. Не надо. Я сам. Доползу до дома. А там уж на своей кровати умереть не страшно. Да, шучу, что же вы. Скорую ещё. Зачем же врачей беспокоить.

Пришёл домой. Мать смотрела телевизор. Выпить бы. Нечего пить. Так и заснул. Потому что ещё до дома пил в метро. На пятерых, там были свои ребята, помогли. И хорошо, сморило. Не ожидал такого спасения, хотя вот у матери ещё пустырника хлебнул. О времена, о нравы. Не до просекко.

У Никиты все друзья. Все братья.

Заснул. А проснулся в тоске. Пришла к нему Францеберия, и сказала – забери их, погибают. Кто? Кто? Пошёл на зов, спасать. Побежал. Как был. Как упал после пустырника навзничь, так и побежал. Кудри по лицу. Ах, какие кудри. Девушки любили. За кудри, за голубые глаза. Но те, Францеберины дети, погибают.

Он не то, чтобы стучал громко, сильно. Он, может быть, и слабо стучал, но во все квартиры. Потому что он же не знал – где, Францеберия ничего не сказала. Только предупредила – близко. И он стучал в каждую дверь, сначала кулаком, потом всей рукой. И сломал, но сломанной рукой, не чувствуя боли, все равно стучал. Он пытался спасти. Аффект. В состоянии аффекта сломал руку в четырёх местах. С кем не бывает. Как же вы так? Я хотел спасти. Но за каждой дверью тьма и смерть.

Мать звонила друзьям. Полиса нет, операция платная. Миша заплатил. Спасибо тебе, Миша. Вот друг хороший, лет пять не видел, но попросили – и помог. Операция прошла впустую. Он ждал снов, но какие сны. Одна тоска. И после наркоза снова тоска, ещё пять лежат рядом. Кто вы, человеки? Про кошек не хотел вспоминать, но ему про них советовали и не рассказывать. А зачем в двери во все стучал? Я не во все. Я только в одну. А зачем? Кризис, поссорился с другом, опять же Францеберия в беде. А кто такая Францеберия? Там одна. Неважно, устал, устал. Много работы. Неофициальной. То одно починить, то другое. А я же химик. Сколько денег просили, чтобы меня устроить, но поступил, диплом красный. Так ты – химик или физик? Это уже на Страшном суде узнаем, а сейчас – давайте

выпьём. Мы здесь все, с разных фронтов, все с ранениями, и день рождения у меня. У кого? Да, у меня. Тридцать пять лет. Отец умер в тридцать восемь. Вот дожил до него почти, ездил к нему на велосипеде с электрички. Велосипед с собой. Синий, две скорости. Он один на даче жил. С кошками. Пять их было. Но о кошках не надо. Пропали, я не спас. Только руку вынес из огня, руку.

Хорошо сидели. Пока вечерний врач не пришёл на обход, а в палате все шестеро отмечают праздник, и празднику нет конца. Врач стал делать замечания:

– Как вы себе позволили такое безобразие устроить?

– Я в его туалете не срал, – это Никита закричал, о своём – наболевшем. Врач не стал уточнять – в чьём.

– Это что же? – возмущался, – всех завтра на выписку?

Но какая выписка? Все хромые, все убогие. На смерть. И меня на смерть. Но я не сдамся.

Срывал бинт зубами. Заковали руку, гады. Это вообще не я был.

А вас двое. На одного, пять на одного, сотня на одного.

– Да ничего он не болен. Не справляется с ответственностью. Он ещё ребёнок в свои тридцать семь. Поссорился вот с другом и не справился на эмоциональном уровне.

– А что, Никите – тридцать семь?

Так друзья Никиты потом говорили, когда передавали друг другу новость, из уст в уста. Сломал руку, пытался спасти каких-то котят, стучал во все двери в доме своём, денег нет, Миша заплатил за операцию, а он, Никита, устроил в больнице пьянку и дебош. И его в психбольницу упекли. И вот он в заточении. А у Максима новый проект намечается, и помириться они не могут. И Никита не слетел с катушек, это его всегдашняя инфантильность. Они все прошли психоанализ, а Никита – нет. А прошёл бы, тоже был бы в строю. Такие дела.

А Никита и правда благостный, заискивающий, то же самое говорит – про инфантилизм. У меня, – говорит Никита, – было детство тяжелое. Отец рано умер, а его жена сгорела, буквально, себя сожгла, но это уже не совсем в детстве. Вот я и не справился с реальностью. А теперь учусь справляться.

Мать его навещает, читает ему записи из отцовского дневника,

где про него – Никиту – написано, как он за ручку с этой актрисой ходил, оба ещё тогда живые. Типун тебе на язык. Это я в переносном смысле. А в каком переносном? Долгих лет тебе, Никита, во здравии.

И ещё во отец пишет про четырехлетнего Никиту:

«Идём с Никитой по дорожке. Птица летит в небе, и не летит, а парит, как будто её ветер носит, а она – крылья разложила и лежит, как на воздушной подушке.

– Смотри, Никита, я ему говорю, птица летит.

Он сначала не увидел. Маленький. Я его на руки взял. Он увидел наконец и говорит: «Как самолёт. Птица, как самолёт. Только у птички крылья дрожат, а у самолёта нет, летит, как треугольник».

– Как треугольник, – повторяет сегодняшний, тридцатипятилетний Никита.

И со всем соглашается. Со всем.

Но ещё он думает – вот я здесь, а вы все там, – и накрывает его печаль тёмными крылами, и под этими крыльями спит он всю ночь, а утром, утром – улетает эта птица, и не остаётся от неё ни одного воспоминания.

«А завтра поедем с Никитой, на велосипеде, на пруд, я для него приделал маленькое сиденье» – писал каким-то летом в дневнике его отец.

И правда тогда поехали. Всё, как обещал.

Екатерина ЗЛАТОРУНСКАЯ. Neкаýalar